

Ханевич В.А.

«ВЕРШИТЕЛИ СУДЕБ»

*«О-о, долга! Долга! Долга та скамья,
на которой расселись бы все палачи и
предатели нашего народа, если бы
сажать их от самых ...и до самых»
А.И. Солженицын.*

Узнавая все новые и новые факты о преступлениях сталинской клики в тридцатые годы, мы всякий раз поражаемся размаху репрессии, счет жертв которых идет на миллионы, и как-то мало задумываемся над тем, что эти репрессии осуществлялись не сами по себе. Ведь за миллионами жертв террора стоит, пожалуй, не меньшее количество наших же «совтрудящихся», повинных прямо или косвенно в прямом уничтожении другой половины.

Понятно, что и органах ОГПУ-НКВД работали не только Ягода, Ежов и Берия. Многомиллионный ГУЛАГ обслуживался не меньшей армией его стражников. Известно и то, что сотни тысяч добровольных помощников «органов» писали доносы на своих сослуживцев, соседей, близких... миллионы партийных и просто «сознательных» на собраниях и митингах с восторгом одобряли политику «великого рулевого» и его партию. Обо всех не расскажешь. Здесь речь пойдет лишь только о некоторых из тех предстателей репрессивной машины, от кого в тридцатые годы реально зависела судьба многих тысяч жителей сибирских деревень и городов и, в частности, сибирских поляков.

Так кто же были они, вершители судеб моих дедов и прадедов, как к судеб тысяч их соплеменников? Что они думали, какие чувства испытывали, когда творили свои черные дела? Как сложилась их собственная судьба? Трудно ответить на эти вопросы. И хотя длинен, очень длинен список тех, кто оказался в числе «вершителей судеб», кто так или иначе творил произвол или ему способствовал, беспрекословно выполняя приказы и постановления вышестоящих чинов НКВД или партийных секретарей, однако нам эти люди практически не были известны, мы не слышали их покаянных слов, не читали воспоминаний и даже до недавних пор не знали их фамилий, скрытых в многочисленных страницах архивно-следственных дел. Не стоит, пожалуй, уповать и на архивы КГБ, что с их помощью возможно будет установить буквально пофамильно тех, кто был винтиком» или «шестеренкой» в огромной и сложной машине террора. Не стоит на это рассчитывать по той причине, что значительная часть архивных материалов НКВД была уничтожена, а другая долгое время хранилась и поныне хранится в архивах УАФБ (преобразованное КГБ), МВД, не доступная для историков.

Приведенные ниже материалы были собраны буквально по крупицам из тех архивно-следственных дел, с которыми пришлось познакомиться, изучая судьбы своих земляков-поляков, некоторые материалы были обнаружены в бывшем партархиве Томской области, некоторые интересные данные получил от историка Игоря Кузнецова.

Кто-то может возразить: зачем ворошить старое? Зачем устанавливать фамилии работников НКВД? Ведь и среди них были разные люди... Конечно, люди, служившие даже в органах НКВД были разные, выполняли разные функции в действовавшей системе террора и, естественно, несут разную

ответственность за совершённые преступления. Однако, имена всех их должны быть по возможности преданы гласности. И не ради мщения, а ради Памяти народной. Народ должен знать не только своих героев, мучеников, но и палачей...

Сейчас пока еще неизвестны фамилии и имена тех, кто приводил приговоры в исполнение в отношении моих дедов и прадедов и их земляков, неизвестен тот, кто их еще теплые трупы сбрасывал в глубокие ямы на высоком обском берегу в Колпашеве, как, впрочем, не установлено точно и само место их тайного захоронения. Зато документально установлено, с чьего благословения начались массовые репрессии против поляков в СССР, а значит, и моих односельчан. Совсем недавно в ходе передачи партийных архивов и архивов КГБ в государственное хранение нами московского «Мемориала» были обнаружены секретные постановления Политбюро ЦК ВКП(б). Вот одно из них:

«Кремль. Выписка из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 августа 1937 года, № 564-вопрос НКВД.

Решили:

утвердить приказ Наркомвнудела СССР о ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ
Секретарь ЦК Сталин».

Этот документ подтверждает, что девятого августа 1937 года в Кремле был утвержден лично «самим» разработанный в ведомстве Ежова план уничтожения поляков, а через три дня в далеком сибирском Белостоке уже была арестована первая партия обреченных... Машина уничтожения день ото дня набирала обороты, втягивая в свои жернова тысячи новых жертв. Однако «отцу народов» этого было мало, если 31 января -1938 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято еще одно секретное решение, касающееся судеб поляков:

«Тов. Ежову. Срочно. Секретно

Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из **поляков** (выделено мной. - Х. В.) латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, согласно существующим приказам НКВД СССР, оставить до 15 апреля 1938 года существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям, вне зависимости от их подданства. Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев как иностранных подданных, так и граждан СССР».

Понятно, что не лично Сталин и его послушное Политбюро осуществляли в стране репрессии в невиданных масштабах. Для этого существовала целая армия готовых на все сотрудников НКВД - от рядового конвоира до «железного наркома» Ежова. Именно при Н. И. Ежове и под его личным руководством разрабатывались планы и операции по уничтожению поляков и многих других национальных меньшинств, живших в то время в «стране победившего социализма». Так называемое «особое совещание» НКВД СССР, которое утверждало приговоры по большинству арестованных поляков, вынося, как правило, только смертные приговоры, возглавлялось также наркомом НКВД Ежовым и прокурором СССР Вышинским или же их заместителями.

Судьба наркома Ежова типична для многих работников его ведомства, как «мавров, сделавших свое дело»... Когда массовые репрессии приняли невиданный размах, руководство страны переложило всю ответственность за творимый произвол на Ежова и его «команду». В конце 1938 года по личному указанию Сталина руководство НКВД и ряд начальников УНКВД краев и областей были обвинены в проведении массовых арестов и нарушении соцзаконности. Под непосредственным руководством нового наркома НКВД Л. П. Берии в центре и на местах для создания видимости восстановления законности были произведены аресты "врагов народа», пробравшихся в органы НКВД.

В Числе репрессированного руководства НКВД, входившего в команды Ягоды и Ежова, было несколько чекистов-сибиряков, занимавших высокие посты в системе этого ведомства. Так, далеко не последней спицей в сталинской административно-карательной колеснице был Матвей Давидович Берман, начинавший свою чекистскую карьеру в Томске в двадцатом году с должности начальника уездной ЧК и дослужившегося до комиссарских ромбов, в тридцатых годах до комиссарских ромбов, возглавлял ГУЛАГ, работал в должности заместителя наркома внутренних дел. Перед арестом в феврале тридцать девятого года возглавлял Наркомат связи страны. Традиционную сталинскую «награду» - девять граммов свинца - получили за свою верную службу и такие видные чекисты, как Заковский (Штубиц) и Б. А. Бак, также, как и Берман, начинавшие свой путь к вершине личной славы и закономерному концу. Заковский и Бак в конце двадцатых годов перед назначением на высокие должности в Москве и Ленинграде возглавляли полномочное представительство ОГПУ по Запсибкраю. На их совести было немало уничтоженных и исковерканных судеб сибиряков, в том числе и ксендза Николая Михасенка, настоятеля католического прихода моего родного села.

Не избежали арестов тогда и многие руководящие работники УНКВД по Запсибкраю, в том числе начальник управления Мальцев, бывшие начальники управления УНКВД Горбач и Миронов, начальник Томского горотдела НКВД Овчинников и многие другие из числа ревностных исполнителей распоряжений и приказов- прежнего руководства НКВД. По уже отработанной схеме из числа арестованных работников НКВД их бывшие товарищи по работе быстро сфабриковали дело о так называемой «антисоветской заговорщицкой организации», действовавшей в системе НКВД. В руководящий «центр» этой организации был поставлен бывший нарком внутренних дел Украины Александр Иванович Успенский, с 1935 по 1938 год работавший на руководящих должностях в УНКВД по Запсибкраю.

В обвинительном заключении в отношении его, в частности, указывалось, что еще в тридцать пятом году он якобы в «контрреволюционных целях» наркомом НКВД Г. Г. Ягодой был направлен помощником коменданта Московского Кремля и выполнял задания по расстановке так называемых заговорщиков на руководящие должности. Затем Успенским будто бы была установлена организационная связь с одним из руководителей заговорщицкой организации Ежовым и рядом других руководителей НКВД. «Находясь на ответственных должностях, - отмечалось в приговоре по делу Успенского, он по заданиям организации проводил вербовку лиц, укрывал от разоблачения и разгромов правотроцкистские и другие антисоветские кадры...»

Кроме вымышленных фактов «заговорщицкой деятельности». Успенский признался и в том, что соответствовало действительности, а именно в

проведении массовых арестов невинных людей и фальсификации по ним следственных материалов. Во многих действительно совершенных преступлениях, как и в участии в деятельности мифических контрреволюционных организации, созналось большинство арестованных работников НКВД. 27 января 1940 года А. И. Успенский был осужден военной коллегией Верховного суда СССР, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Подобная участь постигла руководящих работников УНКВД Запсибкрая Горбача, Миронова и других. В марте 1941 года военный трибунал Запсибкрая за нарушения «революционной законности» приговорил к расстрелу начальника Томского горотдела НКВД Ивана Васильевича Овчинникова, в послужном списке которого за время своей работы в органах ОГПУ-НКВД с 1923 года было немало совершенных преступлений.

Примерно в то же время, что и Овчинникова в Томске, в Новосибирске арестовали начальника четвертого отдела УНКВД по Запсибкраю К. К. Пастаногова. В следственных материалах по нему отмечалось, что, будучи начальником оперативного отдела, он в конце тридцать седьмого года выезжал в Колпашево и города Кузбасса Анжерку, Ленинск и Прокопьевск для проведения оперативных совещаний по вопросу активизации «операций» по разгрому якобы существовавших там контрреволюционных шпионско-диверсионных организаций. Специализировался в основном на аресте бывших членов ВКП(б). Как было указано в приговоре, Пастаногов в тридцать восьмом году по необоснованным данным арестовал группу работников кинотреста г. Новосибирска, группу работников Новосибирской областной прокуратуры в количестве четырнадцати человек, а также лиц партийно-советского актива в количестве тридцати пяти человек. В дальнейшем он и его подручные на всех «путем применения физических методов воздействия вписали в протоколы допросов вымышленные факты контрреволюционной деятельности и тем самым сфальсифицировали на них уголовные дела...»

Далее там же приводился факт того, что в апреле тридцать восьмого года Пастаногов по указанию бывшего начальника УНКВД Горбача дал распоряжение в городе Леинске арестовать 60 детей в возрасте до двенадцати лет и оформить на них дела как на участников контрреволюционной фашистской организации, в результате чего арестованные дети находились под стражей почти восемь месяцев... За приведенные выше и другие «нарушения» Пастаногов двадцатого ноября сорокового года бы/ в-кн^ым трибуналом своего ведомства осужден на восемь лет лагерей, однако через год досрочно освобожден.

В период смены «команды» Ежова на «команду» Берии многие работники НКВД неожиданно для себя сменили свои роскошные кабинеты на тюремные камеры, в одночасье превратившись из палачей в жертвы, вот только далеко не безвинные... Для некоторых работников НКВД, думается, не была полной неожиданностью смена своей роли и декораций в проходившем «спектакле» террора, так как аресты сотрудников ВЧК-МГБ были обычным явлением в системе карательных органов страны на протяжении многих лет в ходе так называемых «чисток» аппарата. Например, 15 апреля 1932 года был исключен из рядов партии и выгнан из органов ОГПУ «за связь с троцкистами Нарыма» сотрудник Нарымского оперотряда ОГПУ М. Х. Толстыкин. 23 января 1937 года Кривошеинским райкомом партии был исключён из партии сотрудник райотдела НКВД А. Г. Летунов «в связи с арестом». В марте этого же года в Кривошеине был арестован бывший работник НКВД В. Н. Петровский за то,

что в 1919 году при колчаковском правительстве служил секретарем Ново-Александровского волисполкома «и в двадцатом году активно участвовал в кулацком восстании против Советской власти». Примеров можно привести много и дальше...

В первую очередь система «самоочищалась» от тех, кто был еще человеком, кто не потерял окончательно совести и порядочности, кто осознавал творимый произвол и пытался хоть в чем-то помочь невиновным. К таким людям, очевидно, можно отнести работника Кривошеинского райНКВД Николая Алексеевича Черных, кстати, принимавшего участие в арестах и допросах моих односельчан. Как свидетельствуют материалы уголовного дела на Черных, он, работая в тридцатые годы в органах НКВД, стал постепенно осознавать, что происходит в стране что-то не то... Как свидетельствуют его письма жене Раисе, приобщенные к делу, он еще в начале тридцатых годов в разгар коллективизации стал сомневаться в правильности некоторых действий властей. Принимая участие в хлебозаготовках, он воочию убедился как сгоняли в колхозы крестьян, раскулачивали настоящих тружеников, лишая их нажитого годами тяжелым трудом имущества, дома... Позже эти сомнения усилились, когда стали арестовывать простых крестьян-тружеников по контрреволюционной пятьдесят восьмой статье. Рассматривая порученные дела на арестованных крестьян, он убеждался, что обвинения против них голословны, и писал в таком случае в протоколах допросов совсем не то, что требовало начальство.. О своих сомнениях открыто говорил сослуживцам по работе, пытался отстаивать свое мнение и перед начальником райНКВД Кипервасом, чем и навлек на себя его гнев. С этого момента Николай Черных был обречен.

Бывшие товарищи по работе были готовы дать и дали нужные показания против него, припомнив все факты заступничества за арестованных, в частности, за одного поляка Либер Анатолия, обвинявшегося в шпионаже. Припомнили и то, что Черных отказался применять а своей практике так называемые активные» допросы, чем снижал показатели работы всего райотдела. К тому же и жена Черных, как оказалось, имела родственников за границей, в Польше...

Арестовали обоих. Из Раисы Черных быстро сделали польского шпиона и расстреляли, ее мужа обвинили в укрывательстве шпионов и приговорили к пятнадцати годам лишения свободы и еще к пяти годам лишения всех политических прав. Дальнейший его путь затерялся в сибирских лагерях.

И все же людей, подобных Черных, в НКВД работало единицы, так как в эти органы шел особый отбор. Тех, кто был хоть немного гуманнее других, «отсеивали», а самых худших и невежественных, исполнительных и не знающих мук совести, оставляли, постепенно превращая их в настоящих садистов.

Что превращало абсолютное большинство работников НКВД в нечеловека? Что заставляло их переступать все законы и нормы человечности? У каждого, должно быть, были свои причины, но, очевидно, главная причина у всех была одна - страх оказаться в положении заключенного самому. Этот страх подавлял все иные чувства. Из страха шли на фальсификацию уголовных дел, на избивания и истязания заключенных. Из страха проявляли рвение в работе, выслуживались, доносили на своих сослуживцев и затем их избивали на допросах. Или сами становились объектами истязаний со стороны бывших товарищей по работе, это уж кому как выпало...

Не меньшим фактором взращивания целой армии садистствующих молодчиков в форме НКВД была существовавшая в стране для них вседозволенность. Эта, по сути, ничем не ограниченная власть над людьми позволяла творить беззаконие, совершать преступления.

Не избежал участи побыть в качестве подследственного у своих сослуживцев и начальник Нарымского окротдела НКВД Иштван Иштванович Мартон, или, как его по-русски называли подчиненные, Степан Степанович. Известно, что родился он в 1897 году в Венгрии в семье служащих, окончил восемь классов гимназии. В 1915 году был призван в австро-венгерскую армию и в 1916 году попал в русский плен. В плену познакомился с большевиками и в дальнейшем с ними уже не порывал. В 1918 году вступил в партизанский отряд Лаврова, что воевал против белочехов под Иркутском в Сибири. В октябре восемнадцатого года попал к ним в плен, но через два месяца сумел убежать из-под ареста и до двадцатого года скрывался у одного из крестьян. С восстановлением в Сибири Советской власти стал служить в органах ЧК-ОГПУ-НКВД. Служил в Забайкалье, Омске, Барнауле, Томске. С 1934 года стал возглавлять Нарымский окротдел НКВД. Как начальник окружного карательного органа руководил всеми операциями по аресту «врагов народа» на своей территории, утверждал постановления на арест и выписывал ордера...

В январе 1938 года С. С. Мартон был сам арестован и этапирован в Новосибирскую тюрьму. (По другим данным, был вызван на совещание и арестован непосредственно в Новосибирске). Там ему предъявили обвинение в причастности к контрреволюционной правотроцкистской организации и ведении активной борьбы с партией и Советской властью. В постановлении на арест Мартона отмечалось, что, являясь начальником Нарымского окротдела НКВД, он якобы «систематически не выполнял приказов Наркомвнудела и директив УНКВД по борьбе с контрреволюцией, умышленно укрывал от арестов участников правотроцкистской организации и польско-латвийских и японских шпионов». В продолжении восемнадцати месяцев, пока шло следствие по его делу, из него пытались выбить признательные показания, но Мартон упорно отрицал все обвинения, видимо, прекрасно понимая последствия того, что если подпишет предъявленные обвинения. Неизвестно, как долго бы еще продержался на непрерывном «конвейерном» допросе бывший начальник нарымских чекистов, если бы не произошедшие аресты сторонников Ежова и принятие к рассмотрению жалоб посаженных ранее сотрудников этого ведомства. В июне 1939 года Мартона освободили из-под стражи, вернули все его награды и звания, деньгами компенсировали подорванное во время допросов здоровье. Как известно, в дальнейшем он работал на руководящих должностях в системе Томасинлага НКВД.

Меньше повезло преемнику С. С. Мартона на должности начальника Нарымского окротдела НКВД Н. А. Сурову. С ним не возились, как с Мартоном: вскоре после ареста он был 21 июня 1938 года приговорен к ВМН и расстрелян. В тридцать седьмом году расстрелян как агент японской военно-политической разведки помощник начальника Томского горотдела НКВД К. Г. Веледерский. Такая же судьба постигла и ряд партийных и советских работников Запсибкрая вместе с бывшим вождем сибирских партийцев Эйхе. Расстрелян был секретарь Нарымского окружкома партии коммунистов Левиц, арестованы и осуждены, как «враги народа», секретари Томского горкома ВКП(б) С. З. Куровский, В. П. Кужелев, М. Ф. Малышев и многие другие из

числа тех партийных товарищей, кто организовывал и проводил идеологическое прикрытие творимого а стране террора.

И всё же, говоря о репрессиях среди сотрудников НКВД, партийных и советских работников, не стоит преувеличивать их масштабы. Так, по результатам исследований члена совета томского «Мемориала», кандидата исторических наук И.Н. Кузнецова, репрессированных членов партии среди общего количества всех репрессированных по Томской области в период 30-50-х годов составляло не более одного процента. Основная масса террора пришлась на простой российский народ, на таких, как мои земляки.

Подавляющая часть «вершителей судеб», благополучно избегая периодических чисток и перетрясок своих аппаратов, продолжала так же управлять судьбами народа и всей страны, получая год от года все новые и новые ордена, медали, звания, пенсии и спецпайки. Например, известно, что такие бывшие «вершители судеб» местного масштаба, как следователь Кривошеинского РО НКВД А. В. Доценко, дослужились до поста начальника управления топливной промышленности Томского облисполкома, сотрудник Томского горотдела НКВД Г. И. Горбенко стал директором коммунально-строительного техникума. Бывшие сотрудники Нарымского окротдела НКВД И. В. Большаков, С. П. Карпов, С. Ф. Филиппович в пятидесятые годы занимали различные руководящие должности в управлении МВД по Томской области. В УКГБ по Томской области продолжали служить бывшие активные сотрудники НКВД И. Н. Печенкин, П. А. Казанцев, Д. К. Салтымаков, А. И. Лев, С. А. Прищепа и другие. Бывший сотрудник Томского горотдела по НКВД Н.С. Великанов дослужился до генеральского звания и поста заместителя председателя КГБ Литовской Республики и в пятьдесят восьмом году вышел на пенсию. А. Г. Карташов из следователей НКВД переквалифицировался в адвокаты и работал в Томской коллегии адвокатов. Начальник Кривошеинского РО НКВД Н. П. Кипервас, благополучно проработав в органах КГБ до 1954 года, был уволен из этого ведомства в звании полковника только в связи с уходом на пенсию...

И все же в первоначальный период процесса реабилитации жертв репрессий была предпринята определенная попытка привлечения к ответственности в уголовном и партийном порядке отдельных бывших работников НКВД за их преступления. Однако этому активно противодействовали на всех уровнях те, кто в тридцатые годы сам был «вершителем судеб» и им же по-прежнему оставались в годы пятидесятые.

По подсчетам И. Н. Кузнецова, с 1956 по 1959 год на заседаниях Новосибирского, Кемеровского и Томского обкомов КПСС были рассмотрены персональные дела двадцати семи бывших работников НКВД, и только десять человек из них были исключены из рядов партии за свое прошлое. Никто из них не был привлечен к уголовной ответственности. Самым строгим наказанием для некоторых, кроме исключения из партии, было ограничение до пятидесяти процентов в выплате пенсии, изменение формулировки приказа об увольнении из органов МВД или КГБ или же лишение некоторых ранее полученных наград. Однако и в этом случае некоторые исключенные из партии бывшие фальсификаторы очень быстро добивались пересмотра своего дела и полностью восстанавливали все свои звания и привилегии. Например, бывший сотрудник Томского горотдела НКВД Г. И. Горбенко Томским бюро обкома КПСС 27 декабря 1957 года был исключен из партии за то, что в свою бытность следователем НКВД, только по неполным данным, сфальсифицировал

уголовные дела на сто восемьдесят пять человек, сто пятьдесят из которых впоследствии были расстреляны. Однако свое исключение из партии Горбенко посчитал слишком суровым наказанием и ровно через месяц обратился в этот же обком партии с заявлением, в котором указал, что, «придя в тридцать пятом году в Томский горотдел НКВД, еще не имел профессионального опыта, работал по прямому указанию старших начальников и, следовательно, не мог влиять на устранение нарушений законности». Рассмотрев его заявление, бюро обкома на этот раз постановило, «учитывая давность совершенных преступлений», изменить свое прежнее постановление об исключении его из своих «славных» рядов и ограничиться только строгим выговором с занесением в учетную карточку. Но и этим решением Горбенко не удовлетворился, и в пятидесятом году по ходатайству горкома партии и «в связи с положительной характеристикой» по работе в должности директора коммунально-строительного техникума бюро обкома сняло с него наказание полностью. Таким образом, факты подтверждают то, что бывшие работники НКВД не только не понесли уголовной ответственности за свое «героическое прошлое», но, оставаясь на руководящих постах в правоохранительных и партийных органах, всячески препятствовали нормальному ходу реабилитации жертв репрессий и наказанию виновных.

Как рассказал в своих очерках-воспоминаниях бывший следователь УКГБ по Томской области А. И. Спраговский, занимавшийся в конце пятидесятых годов реабилитацией, в распоряжении работников следственного отдела УКГБ оказалось много компрометирующего материала в отношении бывших работников НКВД С.П. Карпова, И. В. Большакова, А. И. Льва и других. Спраговский выступил на одном из партийных собраний УКГБ и потребовал уволить бывших фальсификаторов из органов КГБ и исключить их из партии. Ответная реакция последовала незамедлительно, но только не та, на которую рассчитывали выступивший и его товарищи-единомышленники: на следующем партийном собрании А. И. Спраговскому «за клевету на руководящий состав органов КГБ и охаивание старых чекистских кадров» был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку, и вскоре он был уволен из органов КГБ. Активно защищал бывших работников НКВД, продолжавших работать в органах безопасности, начальник УКГБ по Томской области полковник С. А. Прищепа, занимавший этот пост с пятидесят четвертого по шестидесятый год. Как впоследствии оказалось, он сам, будучи в 37-38-м годах оперуполномоченным УНКВД по Московской области, применял в своей практике незаконные методы ведения следствия, истязал невиновных людей. Когда на него в пятьдесят девятом году поступили из Москвы материалы о его темном чекистском прошлом. Томское бюро обкома КПСС ограничилось всего лишь товарищеским осуждением своего члена бюро, квалифицировав его преступления только как «поверхностное проведение следствия». И только после неоднократных обращений в обком партии некоторых следователей УКГБ с требованием наказать Прищепу бюро обкома четырнадцатого июля пятьдесят девятого года приняло постановление об объявлении ему строгого выговора «за грубое нарушение соцзаконности и непартийное поведение». Примерно подобное происходило не только в Томской области, но и по всей стране периода хрущевской «оттепели».

И всё же несмотря на сдерживание процесса реабилитации в пятидесятые годы со стороны «вершителей судеб» и их явное нежелание заниматься этим делом всесторонне, были допрошены ряд бывших следователей НКВД,

очевидцев и жертв их преступлений. Таким образом ещё тогда были выяснены некоторые подробности действия механизма репрессивной машины НКВД периода 30-40 годов. Однако результаты тех исследований не стали достоянием гласности для народа. Проходила эта реабилитация « при закрытых дверях», носила ведомственный характер , а вскоре и вовсе прекратилась...

Сегодня же, знакомясь с материалами архивно-следственных дел репрессированных в тридцатые годы, удалось ознакомиться и с тем, как шел процесс реабилитации в пятидесятые годы, какие объяснения прошлому давали те следователи НКВД, кого удалось допросить. В числе допрошенных следователей НКВД были Филлипович , Смирнов, Меринов, Карпов, с протоколами допроса которых пришлось ознакомиться. Все они в той или иной форме признались, что занимались фальсификацией уголовных дел на арестованных и выбиванием требуемых признательных показаний, рассказали, как это делалось.

Так, Б. М. Меринов, с 1937 по 1949 год работавший оперуполномоченным Нарымского окротдела НКВД на допросе 27 июня 1957 года показал, что в 1937-1938 годах работал в следственной группе, возглавляемой С. П. Карловым, и «вел» дела на участников так называемой РОВС-кой организации, о существовании которой он узнал только из приказов НКВД и целого ряда ориентировок. Вспомнил, что в отношении отдельных граждан были дела оперативного учета, из которых усматривалось, что в прошлом они якобы вели борьбу против Советской власти или служили в Белой и других армиях. Показал, что к эсеровско-монархической организации были отнесены бывшие офицеры, кулаки и категория лиц, ранее репрессированных органами Советской власти. К Польской войсковой организации причислили в основном граждан польской национальности. Следствие велось так называемым упрощенным способом. Была разработана схема, по которой ориентировались следователи при допросах. Допросу предшествовала камерная обработка арестованных, организованная руководством окротдела. Дал показание и в том, что следственной работой окротдела в период операций непосредственно руководили представители управления НКВД по Запсибкраю, в частности К. К. Пастаногов и А. М. Волков, а также начальник отделения окротдела Н. П. Калинин.

На допросе 27 марта 1956 года С. Ф. Филиппович, служивший в Нарымском окротделе НКВД с 1938 по 1940 год, показал, что от него и других сотрудников начальство во время следствия требовало отражения в протоколах допросов практической контрреволюционной деятельности обвиняемых. Чтобы выполнить это указание, следователи на допросах выясняли место работы арестованных, род занятий, интересовались тем, были ли у них на работе или в деревне какие-либо факты пожаров, падежа скота... Выяснив эти вопросы, следователи искусственно затем подписывали в показаниях обвиняемых совершение тех или иных актов вредительского или диверсионного характера...

Менее откровенным на допросе у следователя Спраговского оказался С.П. Карпов, работавший в Нарымском окротделе НКВД с 1937 по 1940 год и на момент допроса в пятьдесят шестом году дослужившийся до должности начальника особой инспекции УМВД по Томской области. В настоящее время на своём мичуринском участке как образцовый пенсионер ухаживает за пчёлками. Он на допросе чуть ли не упрекал своих жертв в том, что получить от них признательные показания о причастности к какой-либо контрреволюционной организации не составляло никаких трудностей, так как

последние якобы были обеспечены активной внутрикамерной разработкой, агентами которой являлись основные вербовщики. Далее показал, что обвиняемые допрашивались в соответствии с имевшимися на них показаниями других обвиняемых и которые изобличали допрашиваемых в принадлежности к той или иной организации. И якобы на этом основании арестованные и давали признательные показания. Сказал, что допросить арестованных в пределах семи-восьми человек в течении суток считалось нормальным явлением... Отметил, что мер физического воздействия лично он при допросах никогда не применял, а делали или нет это другие работники следствия он не знает...

Приносили свою роль в творимых преступлениях практически все бывшие сотрудники НКВД, считали себя всего лишь исполнителями чужой воли, многие якобы преступного характера ведения следственных дел не сознавали и физических мер воздействия к арестованным лично сами не применяли... Однако факты - вещь упрямая. Архивные документы и воспоминания уцелевших жертв говорят о том, что использование при допросах пыток было одобрено на самом «верху» и являлось широко используемой мерой воздействия на заключенных. Одни использовали их, так сказать, «вынужденно», другие сами проявляли инициативу и изобретательность. Так, например, бывший сотрудник Томского горотдела НКВД Н. С. Великанов, ставший впоследствии генералом, кроме таких обычных «мер воздействия», как удары рукояткой пистолета по голове и позвоночнику или зажим пальцев допрашиваемых дверью кабинета, имел в своем арсенале и такой эффективный способ признательных показаний - наиболее упорных садил задним проходом на ножку стула, применяя, так сказать, старый средневековый прием с чекистским усовершенствованием... Зато его коллега К. К. Пастаногов был человеком передовых научных взглядов и в своей работе использовал более современные методы пыток. В частности, привязывал арестованных к стулу, прикручивал к их рукам и ногам провода полевого телефона и крутил ручку генератора... Впрочем, не упускал случая поиздеваться над людьми и без всяких современных ухищрений, наступая каблуком сапога на горло или мошонку пытаемых. Начальник дорожно-транспортного отдела ГУГБ СССР по Томской железной дороге А. П. Невский своих жертв пытал тем, что колот их в ягодичы шилом, накручивал на большой гвоздь пряди волос и таким образом рвал их из головы и других частей тела... Широко применялись и другие «меры воздействия», в зависимости от интеллектуального уровня и садистских наклонностей «вершителей судеб». И здесь изобретательность их поистине была безгранична. Не зря в свое время подобный опыт советских «органов» тщательно изучался и использовался нацистскими карательными службами.

Проявляли изобретательность работники НКВД не только в пытках, но и в способах приведения смертных приговоров в исполнение: за короткое время без особого шума расстрелять огромную массу народа тоже надо было уметь. В городе Томске членами «Мемориала» путем опроса старожилов и раскопок установлены два места массовых расстрелов: в глубоком глухом овраге недалеко от городской тюрьмы и в подвале горотдела НКВД, что располагался в тридцатые годы в здании по проспекту Ленина, 44.

В овраге расстреливали и тут же закапывали, как видно по всему, без особых предосторожностей, так как глухое место на окраине города исключало, по мнению палачей, проникновение сюда «посторонних глаз». И все же многие горожане знали, что на Каштаке в овраге расстреливают «врагов народа». Живущие недалеко от оврага жители слышали порой вечерами и ночью со

стороны оврага глухие щелчки выстрелов и крики людей. Наиболее любопытные пробирались днем в овраг и находили небольшие холмики свежевскопанной земли, а также еще пустые траншеи. Раскопки в 1989 году членами «Мемориала» предполагаемых мест расстрелов подтвердили воспоминания старожилов...

В горотделе НКВД приговоры приводились в исполнение в одной из подвальных камер. Сотрудник томской городской газеты Геннадий Бурматов поделился своими воспоминаниями о том, как еще в сороковые годы стал обладателем этой чекистской тайны. Вот что он рассказал:

«Моя тетя по матери в тридцатые годы работала зав. столовой НКВД в корпусе напротив нынешнего горсовета. Здесь она познакомилась с офицером НКВД Михаилом Елисеевичем Негановым и вышла за него замуж. От «тяжелой» работы он к началу сороковых годов запил, но продолжал еще служить в «органах». В конце войны его, наконец, выгнали из НКВД и грозились, сняв броню, отправить на фронт. Но тут кончилась война, и про него забыли. Михаил Елисеевич Неганов, полагая, как он сам говорил, что с окончанием войны произойдет амнистия и соответственно история экзекуций НКВД так и так будет известна, стал в разговорах с близкими родственниками открыто вспоминать о своих «занятиях» в НКВД в тридцатые годы. Однажды я слышал его рассказ в разговоре с моими родителями. Он поведал о том, что в 1937 году, в самый разгар репрессий, технология массовых убийств в застенках НКВД была по-своему специфической. Столярам-плотникам давали «особый» заказ: наточить несколько ящиков деревянных пробок. Ящики с пробками приносили в одну из комнат подвала НКВД, где расстреливали «врагов народа». Затем по одному вводили их, укладывали на пол и стреляли в голову. Тут же сноровисто затыкали образовавшуюся дыру в голове пробкой. Тело убитого оттаскивали в другую комнату, а сюда, как в парикмахерской, «приглашали следующего клиента». Но, несмотря на такую продуманную технологию убийств да молодую смекалку затыкания дыр в голове пробкой, фонтанчики из голов убитых все же на какой-то краткий период, пока рука тянулась за пробками, частично заливали пол. После такой «обработки» трех-пяти человек все равно приходилось вытирать с пола лужи крови. Да и пробки точить - лишняя работа. Тогда начальство решило сменить технологию убийства. Приговоренных к расстрелу стали со связанными руками грузить в машины и увозить на Каштак, а там сбрасывать в ров и прибивать ломиками по головам. При этом убиваемые «неблагодарно» ревели. Их дикий рев разносился по округе, и, чтобы заглушить его, сотрудники НКВД стали привозить с собой на Каштак две наковальни. Двое чекистов вхолостую колотили молотками по наковальням, а остальные колотили усердно ломиками «врагов народа». Со стороны это могло слышаться обыкновенной работой с криками «Эй, ухнем!».

О способах устранения «врагов народа» в Колпашевском окротделе НКВД рассказал мне при встрече в 1989 году житель Томска Иван Григорьевич Стариков, в 1937-1938 годах служивший в конвойном взводе Нарымского НКВД. Сам он лично, как говорил, осужденных не расстреливал, но знал, кто и как это делал. По его воспоминаниям, в числе палачей был его сослуживец коммунист Григорий Трифонов, впоследствии призванный на фронт и там погибший; сослуживцы из конвойного взвода Петр Иподистович Волков, Метла, Севостьянов, также коммунисты; сотрудник НКВД по фамилии Белослюдцев и другие. При расстреле палачи разыгрывали следующий «спектакль»: объявляли о формировании этапа в Томск и проведении перед

этим медицинского свидетельствования. Ничего не подозревающих заключенных в нижнем белье по одному заводили в специальную комнату, где за столом в белых халатах сидела «медицинская комиссия» в присутствии «санитаров». Люди в белых халатах вначале спрашивали анкетные данные, интересовались самочувствием, а затем шел «медосмотр»... Белослюдцев, игравший роль врача, приказывал обреченному встать на специальное приспособление для измерения роста, установленное вплотную возле небольшой тряпичной ширмы. За ширмой, как раз за спиной «измеряемого», стоял один из специалистов своего дела с наганом в руке... Минутой позже подоспевшие «санитары» оттащивали труп в другое помещение и приглашали на «медосмотр» следующего. Позже расстрелянных сбрасывали в глубокие ямы, вырытые прямо на территории окружного НКВД. Причём ямы эти закапывались не сразу, а по мере заполнения. Во избежание трупного запаха одна партия трупов от другой пересыпалась слоем извести. Вот эти - то ямы и были вскрыты весенней Обью в мае семьдесят девятого года. Варварски уничтожили эти тайные захоронения «вершители судеб» уже 70-80-х годов...

Рассказал И. Г. Стариков и о том, что одежду расстрелянных грузили не на одну, а на две-три подводы и увозили на луга сжигать. Выполняли такую ответственную работу часто и только ночью бойцы конвойного взвода из числа коммунистов. Политрук конвойного взвода Шалдо однажды на этом деле «погорел», прельстившись одной черной полудохой, из подлежащих уничтожению. Каким-то образом об этом «непартийном поступке» Шалдо стало известно начальству, и его сняли с работы. Поведал Стариков также и о том, что расстрелы в Колпашеве происходили не только на территории окротдела НКВД, но и где-то еще за городом. Вывод об этом он сделал на том основании, что зимой заключенных часто садили в специально сделанную будку на тракторных санях и увозили будто бы в Томск, но трактор подозрительно быстро возвращался, и уже без арестованных...

Ходили слухи среди обского населения и о том, что нарымские чекисты уничтожали «врагов народа» также путем затопления их в баржах, однако каких-либо более точных сведений об этом в томском «Мемориале» пока не имеется. Сопоставляя воспоминания единственного уцелевшего белостокца Ивана Александровича Иоча с этими слухами и отсутствием многих фамилий односельчан в обнаруженных колпашевских «расстрельных» списках, я склонен думать о том, что эти слухи имеют под собой реальную основу. Ведь известно, что такой способ расправы над «врагами революции» использовался еще в годы гражданской войны, позже «врагов народа» топили в баржах в белом море. А ведь все самое «передовое и эффективное» в своем деле чекисты использовали не упускали возможности...

Итак, ознакомившись с приведенными выше данными о некоторых сибирских «вершителях судеб», их собственными судьбами и делами, мы лишний раз могли убедиться в том, что в период хрущевской «оттепели» подавляющее большинство НКВДэшных палачей не пострадало, а продолжало активно работать в системе карательных органов. И не потому, что об их «славном прошлом» не было властям известно: просто они еще были нужны продолжавшей функционировать системе советского тоталитаризма. Они сами были властью.

Опубликовано: В. Ханевич. «Вершители судеб» // «Народная трибуна», 11 сентября 1993 г.

